

ШЭНЭХЭНСКИЕ БУРЯТЫ: ПРОБЛЕМЫ РЕЭМИГРАЦИИ И АДАПТАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ БУРЯТИЯ

В 1990-е гг. после распада СССР и начала реформ открытости в КНР начался процесс возвращения бурят из Внутренней Монголии на историческую родину. В статье освещены проблемы реэмиграции и адаптации шэнэхэнских бурят в Республике Бурятия, а также их влияние на хозяйственно-культурную жизнь региона.

Ключевые слова: Шэнэхэн; эмиграция; буряты; реэмиграция; Республика Бурятия; традиция; культура.

Ochirov Tsyden Solbonovich
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russian Federation

SHENEHEN BURYATS: THE CHALLENGES OF RETURN AND ADAPTATION IN THE REPUBLIC OF BURYATIA

In the 1990s, the years after the collapse of the Soviet Union and the beginning of reform and openness in China the process of returning the Buryats from Inner Mongolia to their historical Motherland began. The article deals with the problem of emigration and adaptation of Shenehen Buryats in the Republic of Buryatia, as well as their influence on the economic and cultural life of the region.

Keywords: Shenehen; emigration; Buryats; re-emigration; Republic of Buryatia; tradition; culture.

История шэнэхэнских бурят берет свое начало в годы первого десятилетия XX в., когда первая группа бурят из разных аймаков Бурятии перешла границу и осела в местности, позднее названной Шэнэхэн, т.е. новая земля. Поток бурятской эмиграции в Шэнэхэн шел поэтапно. Первый этап относится ко времени столыпинских реформ и гражданской войны и охватывает 1917–1922 гг. Второй этап относится к 1929–1931 гг., к периоду коллективизации и чистки партийных рядов. Массовая эмиграция продолжалась до 1927 г., когда советские пограничники перекрыли границу. Третий этап связан с периодом Великой Отечественной войны. Выделение этих этапов весьма условно, поскольку переселение в Шэнэхэн носило постоянный характер. Особенно активно процесс переселения в Шэнэхэн шел в течение 20-х гг. XX в. Буряты в одиночку и небольшими группами тайно переходили границу и селились рядом с ранее вышедшими бурятами [Балданов, 2007]. Буряты Шэнэхэна, как и другие малые этнические группы Северо-Восточного Китая, пережили тяжелые периоды японской оккупации, гражданской войны в Китае, «культурной революции». Особенно много представителей интеллигенции, передовых людей из среды шэнэхэнских бурят пострадало во время «культурной революции» (1966–1976 гг.). Как отмечает исследователь З. Шмыг, «многие жители Шэнэхэна в период культурной революции были репрессированы под обвинением в шпионаже в пользу СССР и распространении панмонголистских взглядов» [2017, с. 22]. Одним из пострадавших в годы «культурной революции» был известный бурятский ученый, выходец из шэнэхэнских бурят Бодонгууд Абида, который на протяжении всего периода подвергался серьезным гонениям, избиениям и оскорблениям. Его как представителя зажиточного слоя скотоводов обвиняли в не следовании по пути развития общества. Поскольку он в свое время обучался в японском институте в г. Харбин, он был также обвинен как японский шпион. Были выдвинуты обвинения в шпионаже в пользу СССР и МНР. Как вспоминал ученый, погибло много людей. Систематические избиения и унижения вынуждали людей покончить жизнь самоубийством. Несмотря на эти тяжелые условия, Б. Абида смог выжить и далее плодотворно работать [Полевые

записи Б. Д. Цыбенова, 2004]. В целом заметим, что эта проблема, связанная с историческим развитием малых народов северо-восточной части Внутренней Монголии в период культурной революции (1966–1976 гг.), несомненно, является актуальной и требует дальнейшего скрупулезного исследования.

Потепление в российско-китайских отношениях в начале 1990-х гг. и упрощение пограничного режима вызвали рост интереса к исторической родине у шэнэхэнских бурят. Часть их решила на переезд в Республику Бурятия и другие бурятские регионы. Уже много лет в Российской Федерации действует программа переселения соотечественников из-за рубежа. Обычно она ассоциируется с этническими русскими, желающими переехать на постоянное место жительства в Россию из стран ближнего зарубежья. Однако под действие этой программы попадают и шэнэхэнские буряты. Согласно изученным нами материалам, можно выделить две крупные программы, принятые правительством Республики Бурятия для возвращения шэнэхэнских бурят на родину. Первая программа была принята после распада СССР. Учитывая запросы общественности, поддержавшей реэмиграцию бурят, правительство Республики Бурятия и лично В. Б. Саганов, оказали государственное содействие делу возвращения первых бурят из Шэнэхэна. В частности, было подписано соглашение с правительством автономного района Внутренняя Монголия КНР. После этого с начала 90-х гг. XX в. в среде шэнэхэнских бурят начинается реэмиграционное движение, реальное возвращение в страну исхода. Реэмиграция являлась инициативой исключительно бурятского населения Шэнэхэна, хотя такие общепурятские организации как «Конгресс бурятского народа» (КБН), «Всебурятская ассоциация развития культуры» (ВАРК) декларировали в качестве приоритетных направлений деятельности оказание содействия реэмиграции бурят из Китая. В итоговом документе крупного и общественно значимого этнополитического события – первого общепурятского съезда, состоявшегося в 1992 г., – предлагалось «создать фонд возвращения бурят-беженцев, организовать штат фонда, определить размеры оказываемой беженцам помощи, содействовать размещению их на территории исторической родины проживания»,

организовать «миграционную службу для возвращающихся бурят» [Балданов, 2007].

К середине 1993 г. в Республику Бурятия и Агинский Бурятский автономный округ переселилось около 300 шэнэхэнских бурят. В том же году для защиты интересов возвратившихся на родину шэнэхэнских бурят было создано землячество шэнэхэнских бурят. Опыт проживания в статусе мигрантов убедил представителей землячества в том, что для успешной адаптации недостаточно лишь субъективного психологического настроя. Для быстрой интеграции этнических переселенцев на исторической родине необходимы содействие и усилия административных органов. По данным современных бурятских историков, первым репатриантам помогли в оформлении видов на жительство и получении временного жилья; к решению этих задач подключились Всебурятская ассоциация развития культуры, руководство Бурятского государственного университета, Бурятской государственной сельскохозяйственной академии. Были выделены квоты для обучения детей. Но республиканские власти не смогли сделать главного – оказать реальную помощь в получении российского гражданства. Отмеченные случаи обратного возвращения во Внутреннюю Монголию во многом объяснялись именно сложной процедурой получения российского гражданства, отсутствием необходимой системы социальной поддержки ремигрантов. С трудностями легализации пребывания был связан целый клубок социальных проблем – определение детей в школу, медицинское обслуживание, трудоустройство и др. [Балданов, Дятлов, 2008].

Вторая программа была принята после того как в 2006 г. указом Президента РФ была утверждена Федеральная программа оказания содействия добровольному переселению в Россию соотечественников, проживающих за рубежом. Эта программа завершилась в 2012 г., но предусматривалось ее продолжение и в последующие годы. 21 марта 2011 г. в МИД РФ обсуждали ход выполнения этой программы. На следующий день министр экономики Республики Бурятия Т. Г. Думнова представила в Правительство РФ республиканскую программу переселения соотечественников. Как отметил министр экономики РБ, республиканская программа разработана с целью приема соотечественников из разных частей света, в том числе шэнэхэнских бурят. На федеральном уровне отработан вопрос по переселению в Бурятию 500 бывших соотечественников из автономного района Внутренняя Монголия КНР [Хандрусай]. Таким образом, принятие федеральной и республиканской программ должно было создать условия для активизации темпов возвращения шэнэхэнских бурят на родину. На деле процесс их ремиграции застопорился. К 2007 г. из 300-500 вернувшихся в 90-х гг. XX в. шэнэхэнских бурят гражданство Российской Федерации получило лишь 10 %. По данным Б. Батомункуева, члена общественной организации «Землячество шэнэхэнских бурят», в 2007 г. в Республике Бурятия проживало около 300 шэнэхэнских бурят (или более 80 семей). Из них российское гражданство смогли получить 50 человек (около 20 семей). Это можно объяснить тем, что многим возвратившимся на родину шэнэхэнским бурятам приходилось начинать жизнь в России с нуля. Будучи не в силах преодолеть границы со своими стадами, они вынуждены были продать все свое имущество в Китае. К тому же, были и другие препятствия для получения российского гражданства [Хандрусай].

На данный момент, как отмечает исследователь З. Шмыт, «на исторической малой родине – Аге – жи-

вет около 35 семей шэнэхэнских бурят. Они населяют Агинское, Могойто и другие населенные пункты. Потомки беженцев из Борзи не вернулись в ту местность, так как сейчас ее населяет другая община, в основном приезжие русские. Шэнэхэнские буряты предпочитают селиться около родных агинских бурят» [Шмыт, 2017]. Тем не менее, около 2/3 шэнэхэнских бурят живет в Республике Бурятия, в ее столице – г. Улан-Удэ, а также в сельской местности: Хоринском, Заиграевском, Еравнинском, Иволгинском и Мухоршибирском районах Республики Бурятия. Шэнэхэнские буряты, проживающие в республике, вполне адаптировались и не ощущают себя приезжими, особенно молодое поколение. Несмотря на кровное родство, жителям автономного района Внутренняя Монголия КНР пришлось обживать землю предков заново, учить язык, привыкать к новому укладу жизни. Трудности адаптации переселенцы переживали сообща. Самой большой проблемой был языковой барьер. Сегодня эта проблема не так актуальна. За десять с небольшим лет уже подросло поколение, для которого русский язык – не барьер, а способ общения. Тем не менее, связи с Шэнэхэном и автономным районом Внутренняя Монголия КНР диаспора не теряет, поддерживая традиции своего народа и прокладывая новые мосты дружбы. За прошедшие годы налажен постоянный культурный обмен с автономным районом. В частности, бурятских артистов там уже хорошо знают и любят. Б.-Х. Аюшеева, Ч. Раднаев, Э. Батсух – эти и другие имена всегда имеют успех, их выступлений ждут и встречают как давних друзей. Успешно действует образовательная программа. В рамках договора с Бурятским государственным университетом ежегодно несколько студентов приезжают в Улан-Удэ на обучение. Год учатся на подготовительном факультете, осваивают язык, готовятся к экзаменам по предметам. Вместе шэнэхэнские буряты обязательно собираются дважды в год: на Сагаалган и празднование Обо [Абидуева, 2005, с. 5–6]. Заметим, что вместе с бурятами из Шэнэхэна выехали и немногочисленные представители даурского этноса. Всего их в Республике Бурятия насчитывается около 10 чел. [Цыбенков, 2016, с. 468]. Они большей частью относятся к так называемым хайларским даурам, проживающими по соседству с шэнэхэнскими бурятами. Известно, что хайларские дауры также компактно проживают в г. Хайлар, административном центре эвенкийского автономного района – г. Нантун, баргутских районах [Цыбенков, 2012, с. 198].

Относительно вклада шэнэхэнских бурят в развитие культуры и экономики Республики Бурятия существуют разные взгляды. Как отметил А. А. Елаев, в бытность заместителем председателя Комитета по международным отношениям администрации президента РБ, «надо защищать интересы «своих», и шэнэхэнские буряты выступают в качестве экономических конкурентов по отношению к местному населению» [Хандрусай]. Заместитель председателя Правительства РБ А. Е. Чепик в своем интервью еженедельной газете «Информ Полис» 2 сентября 2010 г. коснулся занятости шэнэхэнских бурят: «Безработица высокая, но нам не дают их привлекать. Они же скотоводы, никак не повлияют на безработицу, напротив, создадут дополнительные рабочие места на тех огромных площадях, которые в Сибири, в Бурятии у нас не освоены» [Балданов, 2015, с. 58]. По мнению современных бурятских историков, «жизнь шэнэхэнских бурят и возможности их возвращения перестали быть политически актуальной темой. Теперь репатриация – дело их индивидуального выбора и частных усилий представителей принимающего обще-

ства. Граница стала набором экономических, житейских практик. Основные занятия шэнэхэнских бурят в России – традиционное скотоводство, традиционная кухня, посредничество – использование ресурса жизни в двух мирах (китайский язык, связи в Китае, жизнь и связи в Бурятии, бурятский язык). Возвращение на историческую родину не привело к быстрому и безболезненному слиянию с материнским этносом. Шэнэхэн, в свою очередь, стал этническим «очагом» в Китае, второй родиной. Возможно, модернизация приведет к изменению роли границы в судьбе шэнэхэнских бурят» [Балдано, 2015, с. 58]. Как отмечает Д. Ц. Бороноева, роль шэнэхэнцев в жизни Республики Бурятия огромна, они дали толчок развитию бурятской культуры, возрождению забытых традиций. Эти несколько десятков семей восстановили кочевое пастбищное скотоводство в целом ряде районов республики, дали импульс огородничеству, развернули сеть полюбившихся в народе закусовых. По подсчетам специалистов, несколько тысяч шэнэхэнцев на гуртах способны были бы обеспечить мясом всю республику. Один красноречивый пример: в селе Баруун хомон Шэнэхэна проживает 3600 человек, на которых приходится более 200 тыс. голов скота. Здесь необходимо учесть острую нехватку земель и пастбищ в Баруун хомоне. Сила шэнэхэнских бурят – в знании старинных способов разведения скота, в их трудолюбии и высоком качестве всего того, что они делают. Нам еще предстоит полное осмысление их вклада в жизнь Бурятии в 90-е и первые «нулевые» годы, но уже сегодня этот вклад просто невозможно не признать [Бороноева, 2001]. Исследователь Хурэлбатыр отмечает отличие этнической идентичности шэнэхэнских бурят от собственно монголов АРВМ. По данным ученого, особенно ярко она проявилась по отношению к подвергшемуся в большей степени русификации материнскому этносу после воз-

вращения на историческую родину после 1990-х гг. Поэтому роль шэнэхэнских бурят для Республики Бурятия огромна, поскольку они служат примером бурятских традиций и знания родного языка [Hurelbaatar, 2000].

Возвращение шэнэхэнских бурят на родину имеет очень большое значение для Республики Бурятия и других бурятских регионов. Мотивация такого внимания четко и подробно была обоснована в статьях и политических заявлениях одного из основателей и руководителей Бурят-Монгольской народной партии и Движения национального единства «Нэгэдэл» В. А. Хамутаева. В частности, он писал: «Осколки всех наций едут домой. Евреи через 2 тысячи лет возвращаются на историческую родину, немцы России через 200 лет возвращаются в Германию. Казахи Китая и Монголии едут на родину, на которой они никогда не жили. Правительство Назарбаева приняло программу возвращения казахов в генофонд нации, по которой предусмотрены меры по стимулированию возвращения на историческую родину, наделение земель реэмигрантов, обустройство их компактными деревнями со своим укладом жизни... Слабые нации, не сумевшие сгруппироваться внутри себя на собственных этнонациональных ценностях и интересах, растворятся в других...» [Хамутаев, 2000, с. 177; Балдано, 2015, с. 58].

Для Республики Бурятия шэнэхэнские буряты представляют несомненный интерес как диаспора, сумевшая сохранить уже многие уходящие в небытие уникальные традиции и обычаи бурятского народа. Можно констатировать, что непростое слияние части репатриантов с материнским этносом все же успешно состоялось. Их адаптация и последующая деятельность, несомненно, дали новый импульс социально-экономическому и культурному развитию Республики Бурятия.

Литература

- Абидуева С. Шэнэхэнские буряты // Патриот. № 4. Улан-Удэ, 2005. С. 5–6.
- Балдано М. Н. Шэнэхэнские буряты: по ту и эту сторону границы // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. № 7. С. 52–59.
- Балдано М. Н., Дятлов В. И. Шэнэхэнские буряты: из диаспоры в диаспору // Диаспоры. 2008. № 1. С. 164–192.
- Балданов С. Ж. Причины эмиграции бурят и их современное положение в Монголии и Китае // Диаспоры в современном мире: материалы междунар. круглого стола. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. госун-та, 2007. С. 3–8.
- Бороноева Д. Ц. Специфика образа этнической самоидентификации бурят Внутренней Монголии КНР // Феноменология традиционности и современности. Улан-Удэ, 2001. С. 103–114.
- Полевые записи научного сотрудника ИМБТ СО РАН, канд. ист. наук Б. Д. Цыбенова Дневник этнографической экспедиции «Дауры и баргуты Китая» (июль-август 2004 г.)
- Хамутаев В. А. Бурят-монгольский вопрос: история, право, политика. Улан-Удэ, 2000. Ч. 1–2.
- Хандрусай В. Н. Шэнэхэнские буряты: долгое возвращение // URL: <https://moy-ulan-ude.livejournal.com/16947.html> (дата обращения: 24.02.2018).
- Цыбенков Б. Д. Миграции даурского населения в XVII–XVIII вв. // Трансграничные миграции в пространстве монгольского мира: история и современность. Вып. 2. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. С. 191–201.
- Цыбенков Б. Д. О происхождении топонима «Селенгинская Даурия» и вероятности проживания дауров в долинах Селенги и Уды // Улан-Удэ – 350 лет: история, пространство, общество: сб. науч. ст. Иркутск: Оттиск, 2016. С. 467–471.
- Шмыт З. Диаспора как зеркало идентичности: на материале бурят-монголов Китая // Трансграничные миграции в пространстве монгольского мира: история и современность. Вып. 4. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2017. С. 16–34.
- Hurelbaatar A. An Introduction to the History and Religion of the Buryat Mongols of Shinehen in China // Inner Asia. 2000. Vol. 2/1. P. 73–116.